

О БУЛГАКОВЕ, И НЕ ТОЛЬКО О НЕМ

В беседе корреспондента «ЛГ» Е. Кузьмина с М. Чудановой «О Булгакове, и не только о нем», опубликованной 14 октября с. г., речь шла о судьбе наследия писателя, о необходимости как можно скорее сделать его достоянием читателей нашей страны. Естественно, материал вызвал множество откликов. Значительную их часть составляют письма писателей, известных ученых — историков, филологов, литературоведов, в том числе ведущих специалистов по Булгакову. Касаются они и публикаций в других органах печати.

Профессор, доктор филологических наук Ю. Лотман (Тарту), прозаик Я. Гордин (Ленинград), инженер-математик Е. Захаров (Харьков), преподаватели В. Свистельский и Н. Митракова (Воронеж), профессор Латвийского университета и. Петра Стучки Л. Сидяков (Рига), архивист, научный сотрудник Военно-медицинского музея Министерства обороны СССР В. Грицкевич (Ленинград) и другие поддерживают стремление к возможно более объективному, без утайки фактов и сглаживания воссозданию биографии Булгакова. Они протестуют против попытки сделать работу над изданием Булгакова ареной своекорыстной борьбы.

Приводим отрывки из трех писем.

В. ГУДКОВА, кандидат искусствоведения, исследователь творчества М. Булгакова и публикатор ряда его вещей.

«Всецело поддерживаю высказанную М. Чудановой оценку ситуации, сложившейся вокруг и по поводу наследия Булгакова. Эта ситуация парадоксальна: у писателя нынче врагов нет, одни многочисленные и рьяные поклонники. На деле же в течение пяти лет всем советским исследователям доступ к его рукописям, без изучения которых сегодня работа не может продвигаться дальше, был закрыт.

Когда я готовила публикацию писем Булгакова к П. С. Попову («Новый мир», № 2, 1987 г.), в редакцию журнала пришло письмо за подписью заведующей отделом рукописей Библиотеки имени В. И. Ленина Л. Тигановой с требованием немедленно остановить публикацию, потому что американское издательство «Ардис» «так и ждет» (за дословную точность не ручаюсь, но смысл был этот) новых материалов. Руководству отдела рукописей вообще многое представляется доступным. Так, В. Лосев может показать исследователю документ, не выходящий из его рук, с ногтем, закрывающим полфразы («дальше вам читать нельзя»); может вызвать к себе в кабинет исследователей, собравшихся в минуту передышки в небольшом фойе, чтобы заявить им нечто типа: «собираться учками запрещено»...»

Б. ЕГОРОВ, заместитель председателя редколлегии серии «Литературные памятники», профессор.

«М. Чуданова в беседе с корреспондентом «ЛГ» затронула самые болезненные вопросы в работе наших архивов.

Несколько лет назад мне потребовались находящиеся в рукописном отделе Ленинской библиотеки воспоминания о русской жизни середины XIX века генерал-лейтенанта А. Э. Циммермана. За метив мой пристальный интерес к документу, руководство отдела начало ставить палки в колеса: дескать, нельзя выписывать один и тот же материал свыше 7 раз в год — он портится.

Ну, ладно, договорились тогда, что из Института истории СССР АН СССР, где я работаю, будет направлено официальное ходатайство о предоставлении для временного пользования микрофильма. Ответа долго не было, наконец пришло письмо за подписью зав. отделом Л. В. Тигановой: «Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина не сможет предоставить временное пользование старшего научного сотрудника Б. Ф. Егорова микрофильм рукописи воспоминаний А. Э. Циммермана, так как ее содержание и хронологические рамки значительно шире темы его исследования». Вот так-то! Л. В. Тиганова лучше меня знает, в какие рамки заключено мое исследование и какого оно должно быть содержания. И вы думаете, я один такой? Всем просто осточертели преграды, чинимые такими хранителями наследия... И как не вспомнить то время, когда отделом руководила замечательный архивист С. В. Житомирская, оклеветанная в последние годы тем, кто сел на ее место и быстро превратил отдел в такое учреждение, куда уже не тянет исследователя — кому охота нарываться на решетку?!»

В. КАВЕРИН.

«Я уже написал письмо в защиту памяти С. А. Ермолинского, друга Булгакова, оставившего о нем замечательные воспоминания. В статье В. Ноздрова, И. Базарова, В. Тихонова он упомянут с незаслуженным презрением, которое оскорбило меня, много лет знавшего его как безупречно чистого и благородного литератора. Оскорблен я и известиями на М. Чуданову, которую знаю двадцать лет и которая глубже всех изучила биографию и творческое наследие Булгакова».

В КОНЦЕ ноября 1987 г. на стол директора Ленинградского отделения издательства «Искусство» были положены две тяжелые папки (более 1200 страниц машинописного текста) — рукопись первого тома четырехтомного «Театрального наследия» М. А. Булгакова, большого научного издания, предприятия того коллективом сотрудников Ленин-

градского института театра, музыки и кинематографии совместно с ЦГАЛИ и при участии ведущих булгаковедов страны.

«ДЛЯ ЕГО СЛАВЫ УЖЕ НИЧЕГО НЕ НУЖНО»

градского института театра, музыки и кинематографии совместно с ЦГАЛИ и при участии ведущих булгаковедов страны.

Эта книга объявлена в плане выпуска издательством «Искусство» на 1988 год под названием: «Михаил Булгаков. Пьесы 1920-х годов (Театральное наследие)». По данным Книготора, книга собрала уже более 300 000 заявок.

Как ответственный редактор издания, могу сказать, что такого булгаковского тома ни в нашей стране, ни за рубежом пока еще не было. Практически все тут подготовлено заново и впервые.

Впервые читатели увидят рядом авторскую инсценировку «Белой гвардии», с которой начинающий драматург М. Булгаков пришел в Московский художественный театр, и пьесу «Дни Турбиных» — итог радикальной переработки изначального текста. Кроме того, сама пьеса «Дни Турбиных» предстанет наконец свободной от искажений «суфлерского» варианта, в котором она печаталась до сих пор. Мы сможем прочитать сцены, которые вопреки воле автора были исключены из «Дней Турбиных» в 1926 году и с тех пор не печатались и не исполнялись. Для того чтобы «реставрировать» авторский текст самой знаменитой булгаковской пьесы, доктору филологических наук Я. Лурье пришлось пройти более чем 25-летний путь текстологических разысканий, исследований и открытий.

Сложнейшую и кропотливейшую работу проделала В. Гудкова, готовя публикации «Бега» и «Зойкиной квартиры».

Наконец впервые в отдельном официальном издании будет напечатан драматический памфлет «Багровый остров». Подготовкой этой пьесы к изданию довелось заниматься мне.

Таким образом, мы могли на практике убедиться, насколько сложной, трудоемкой, не терпящей скоропалительных легких решений является проблема комментированного научного издания пьес Булгакова. Потребовалось более шести лет...

Публикации «В защиту имени и авторства Михаила Булгакова» появились в центральной печати в тот момент, когда о самом писателе давно уже можно сказать словами Людовика XIV о Мольере, предпосланными в качестве эпиграфа к пьесе «Кабала святош»: «Для его славы уже ничего не нужно. Но он нужен для нашей славы».

Имя Михаила Булгакова и его авторство надежно защищены им самим — мы опоздали вовремя это сделать. И теперь речь идет уже о защите нашего собственного лица о нашей способности или неспособности извлечь уроки из поучительной моральной победы Булгакова-художника над пленом и тленом времени. Автор «Мастера и Маргариты» может хорошо защитить нас самих от иллюзий, от

самосбмана, от ханжества, от ложных сведений, которые все еще распространяются в ответ на вопрос: почему же это у нас до сих пор нет полного академического собрания сочинений замечательного писателя Михаила Афанасьевича Булгакова?!

«Разговоры о подобном академическом издании собрания сочинений М. А. Бул-

гакова у нас ведутся давно, и трудно понять, — пишут Ю. Бондарев, И. Балза и О. Трубачев, — почему до сих пор издатели не приступили к нему.

А наше время действительно требует незамедлительного именно такого фундаментального академического издания».

Логическим дополнением к данной постановке вопроса, предложенной литературными, не вполне понимающими, почему наши издатели до сих пор не приступили к выпуску «академического» Булгакова, служит ответ Л. Тигановой, объяснявшей непонятным, что задержка вышла из за козней американского издательства «Ардис», начавшего с 1977 года самолично выпускать в свет сочинения Булгакова за океаном, при том что с 1982 года, как пишет заведующая отделом рукописей ГБЛ, «мы боролись за подготовку и издание именно в нашей стране собрания сочинений М. А. Булгакова академического типа».

Первый том будущего «академического» Булгакова Л. Тиганова обещает к 1991 году, к 100-летию со дня рождения писателя. Но ведь каждому, кто сколько-нибудь знаком с историей вопроса, понятно, что этот том — пока что и не сница в руках, и даже не журавль в небе.

Как «боролись» в ГБЛ за издание сочинений Булгакова, вопрос особый, требующий изучения и огласки. Ведь именно ГБЛ во главе с ее нынешней администрацией и Пушкинский дом в Ленинграде (при прежнем его директоре А. Н. Изюмове) больше других постарались, чтобы оздоровить современное исследование основной рукописной части литературного наследия Булгакова.

Результаты такой устанавки теперь налицо: угроза публикационной инициативы в возвращении несобранного и неизданного Булгакова длительным перерыв в формировании нового поколения специалистов-текстологов, способных взять на свои плечи нелегкую ношу подготовки и выпуска в обозримые сроки действительно полного, академического собрания сочинений писателя.

С октября 1981 года началась бесплодная переписка ректората АГИТМиК с директором ГБЛ Н. С. Карташевым и его заместителем Е. А. Фелелоновым о допуске сотрудников института в Рукописный отдел к материалам личного фонда Булгакова. На наши письма долго вообще не отвечали. И только в июле 1983 года нам было сообщено, что архив Булгакова временно закрыт на плановую проверку и реставрацию. С тех пор дирекция ГБЛ непрерывно твердила нам о «временных» обстоятельствах мешающих будто бы изучению рукописей Булгакова. В ноябре 1984 г. Н. С. Карташев написал, что после трехлетней проверки материалы фонда требуют также «срочной реставрации

и соответствующего научно-технического описания». Тактика «борьбы» за оперативное издание в нашей стране собрания сочинений «академического типа» со стороны дирекции ГБЛ, заведующей отделом рукописей тогда уже стала совершенно ясна.

Безусловно, я сегодня отнюдь не устарены ведомственные и учрежденче-

ские прегоны для выпуска очередных томов «Театрального наследия», для широкого и свободного развития науки о Булгакове, для необходимейших оперативных публикаций из его архива. Многолетняя запретительная политика по отношению к Булгакову, уходящая своими корнями в 30-е и 40-е годы, проявлявшаяся и до недавнего времени в полном исключении из литературно-издательского и читательского оборота ряда его произведений, в архивных ограничениях, теперь мимикрирует в ГБЛ под флагом благородной идеи... полного академического собрания сочинений М. А. Булгакова!

«Теперь архив М. А. Булгакова открыт, — торжественно объявила Л. Тиганова. — И я считаю, что рукописи его должны в первую очередь быть предоставлены уче-

ным и специалистам, осуществляющим подготовку собрания сочинений М. А. Булгакова на Родине писателя. Вопрос о сроках и порядке предоставления материалов из архива М. А. Булгакова другим исследователям, по нашему мнению, должна решать редакционная коллегия академического собрания сочинений М. А. Булгакова».

Не знаю, кто и когда создал (или думает создавать) эту таинственную редколлегию, но первые запреты на подготовку издания Булгакова от ее лица уже воспоследовали.

По мнению Тигановой, «системность» в запретах на Булгакова была вполне терпимой, а вот «бессистемность публикаций» представляется «крайне неверной». Знакомые речи...

На мой же взгляд, следует приветствовать все публикации, кроме недостаточного грамотных или плохо подготовленных, а таких в этом году было предостаточно. Напомню, что бурно взялся публиковать Булгакова, «открыв» его архив сначала только для себя, заместитель заведующего отделом рукописей ГБЛ В. Лосев, а также булгаковеды-любители Б. Мяков и Б. Соколов. Что же касается публикаций М. Чудаковой, ставших одним из основных литературных событий 1987 года, то они, утверждаю, подготовлены блестяще. Не этим ли объясняется тот факт, что один из самых квалифицированных булгаковедов страны сделавший больше чем кто-либо для изучения жизни и творчества

Булгакова, оказался объектом недостойных инсинуаций в печати со стороны любителей и собирателей, взявшихся судить о том, что они плохо знают, а также со стороны заинтересованных должностных лиц, начавших «борьбу» за полное академическое собрание сочинений Булгакова с изгнания из ГБЛ лучшего знатока булгаковского творчества. В этом же духе — под рубрикой «Мнение специалиста» — выдержано и письмо Л. Яновской.

Таким образом, развернутая с 1982 года «борьба» за полное академическое собрание сочинений М. А. Булгакова приобрела совершенно фантастический оборот в духе булгаковской «дьяволяды»: сначала на шесть лет был закрыт для специалистов основной личный фонд писателя, теперь нам доказывают, что с публикациями неизданных произведений и документов Булгакова лучше подождать до выхода соответствующих томов полного академического собрания сочинений... А решать, как работать в архиве всем остальным исследователям, которые уже сегодня кое-что сделали для изучения и издания Булгакова, должна редколлегия, которой нет, но запреты ее — налицо...

Создавшееся положение требует, на мой взгляд, расширения, с обязательным привлечением булгаковедов, заседания Комиссии по литературному наследию М. А. Булгакова Союза писателей СССР.

А. НИНОВ, доктор филологических наук, ЛЕНИНГРАД

ПРАВИЛА ЧЕСТИ

Есть так много людей, чье мнение в булгаковских делах несравнимо авторитетнее моего. В рукописном отделе Библиотеки имени В. И. Ленина я никогда не работал ни с чем, кроме византийских рукописей, да и то давно. К числу специалистов-булгаковедов и даже к более широкому кругу знатоков, не пропускающих ни единой булгаковской публикации, я не принадлежу. У меня есть, конечно, какое-то личное отношение к Михаилу Афанасьевичу — и мне, как многим детям русских интеллигентов, в самом начале жизни была передана из рук в руки какая-то традиция. Не могу забыть, с какой нежностью старые люди, окружавшие мое отрочество, вспоминали «Дни Турбиных». Но это мое отношение — самое обычное, так сказать, среднеинтеллигентское... В профессиональном отношении я тут как бы не на своей территории. Но, насколько я понимаю, мое суждение может представлять интерес именно потому, что я стою вне игры — вне каких бы то ни было литературных «партий». Что правда, то правда.

В зону обсуждения попал ряд конкретных, практических вопросов, которые надо обсуждать именно в качестве таковых. По ним я высказываться не намерен. Слишком много имен слышу впервые, слишком много эпизодов мне неизвестно — даже в своих зримых очертах, а ведь нам всем еще намекают на незримые миру обстоятельства. Кроме того, для такой роскоши, как обмен мнениями, нужна более спокойная обстановка. И то, что я все-таки выскажу, — не мнение, а убеждение, и кажется оно совсем простых вещей.

преступная личность, да еще похвалить себя за свою догадливость. Намекам на эти невысказанные обвинения уделено очень много места, между тем как идейное и профессиональное несогласие с Чудаковой только заявлено, но абсолютно никак не раскрыто. Отсутствие спора поражает не меньше, чем наличие инсинуаций.

Во всем этом утешительно одно: что речь идет о человеке, находящемся на виду, давно составившем себе имя, доказавшем как свою научную квалификацию, так и свою человеческую добросовестность. Было бы страшнее, если бы тень была брошена на кого-нибудь безвестного. Репутация же Мариэтты Чудаковой не нуждается в защите. Защищать приходится не ее, а нечто иное.

Дело вот в чем. Если мы называемся учеными, интеллигентами и прочая, то либо слова эти равно ничего не значат и должны быть заменены менее ответственными и более бесцветными («работники умственного труда» или что-нибудь в этом духе), либо мы все называя на наши несогласия и настроения составляем какой-то круг, объединенный понятием чести. Смысл слов предполагает именно это — не больше и не меньше. Если так, человека допускают в круг, лишь убедившись в том, что у него есть, как прежде говорили, правила. Но если он однажды вошел в круг, любое недоказанное обвинение против него непосредственно задевает честь всех его товарищей.

Например, мою.

С. АВЕРИНЦЕВ, доктор филологических наук

Помимо этого, читателю предлагают догадаться, что Чудакова — чуть ли не